

¹⁵ Подсчет гласных проводился в соответствии с таблицей Макдермотта (см.: *Macdermott M. M.* Op. cit. С. 123).

¹⁶ *Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод. Л., 1963.

Н. И. Копылова

**О ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ
И А. АХМАТОВОЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

И была Александровская Слобода.....
и была книжка Ахматовой.

М. Цветаева

Тема любви вечна и всегда нова. Лирика великих поэтов хранит то общечеловеческое, что пережито людьми разных веков и стран и что переживается нами вновь и вновь. Но в то же время любовная лирика интересна читателю разнообразием поэтических индивидуальностей, так как позволяет, с одной стороны, проникнуть в неповторимый мир того или иного поэта, а с другой — самому почувствовать разные оттенки любви и тем самым ощутить многомерность своей собственной души. О восприятии любовной лирики разнохарактерных поэтов Л. Гинзбург писала, что «когда Гейне начинает разговор с возлюбленной, мы знаем, что рано или поздно он скажет ей дерзость»; слушая Я. Полонского, «кто-то уже готов заплакать над погибшей любовью»; тогда как никто с «самой безнадежной любовью» не будет плакать над «Я Вас любил, Любовь еще быть может...», «ни один человек, почитающий поэзию. Бестактно обливать Пушкина слезами. Это не та реакция»¹.

Анна Ахматова и Марина Цветаева — эти имена в сознании читателей взаимно, как магнитом, притягивают друг друга, и особенно в любовной лирике. И это понятно, так как в этой теме поэты часто говорят об одном, хотя и по-разному. Так, для лирических героинь лирики А. Ахматовой и М. Цветаевой любовь — это прежде всего боль²:

От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу...

(433)

Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.

Для обеих одним из основных в любовной лирике является состояние брошенной, разлюбленной женщины. Поэтому так естественно цветаевские и ахматовские (в таком порядке) строки сливаются как бы в одно стихотворение, единое в развитии его смысла:

Вчера еще в глаза глядел.
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел —
Все жаворонки нынче — вороны!
(152)

О, жизнь без завтрашнего дня!
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любви
Звезда восходит для меня.
(158)

В этом эксперименте, как видим, нет даже ритмического диссонанса при всей разности художественных манер лирики поэтов в целом.

Общим мотивом звучит в лирике А. Ахматовой и М. Цветаевой отношение той и другой лирической героини к сопернице: равнодушие, чувство гордого женского превосходства, но не зависть и не ревность к ней — «простой женщине», «трухе рыночной» (М. Цветаева), «дурочке» (А. Ахматова).

Но так ли уж часто два голоса поэтов-женщин сливаются в один в теме любви? Нет. И об этом говорит восприятие широким читателем их любовной лирики. В этом восприятии есть любопытные особенности. На вопрос, чья любовная лирика — А. Ахматовой или М. Цветаевой — вам больше нравится, мужчины гораздо чаще женщин отвечают: «Конечно, А. Ахматовой».

Не раз приходилось из мужских уст в адрес лирической героини М. Цветаевой слышать: «Так она же истеричка!» Разумеется, это не литературоведческая оценка. И это не абсолютная, но вполне определенная тенденция восприятия, следующая из нашего опроса читателей. Она не только факт реальной житейской психологии, но, отражая ее, проникла и в современную поэзию. Прочитаем стихотворение А. Королева, написанное как ответ М. Цветаевой:

с женщиною без шестых
чувств живется без истерик,
без конвульсий и гримас
судорог и катавасий,

выставленных напоказ,
выписанных на левкасе...

Невеликодушен жест,
но живется, право слово,
с женщиною без божеств
как за пазухой Христовой³.

Будем справедливы: это не весь смысл стихотворения, он сложнее. Но все-таки, это часть смысла.

Другая особенность восприятия лирики М. Цветаевой заключается в том, что ей приписывают мужское, сильное начало. Но парадокс в том, что на вопрос, чья любовная лирика — А. Ахматовой или М. Цветаевой — вам больше нравится, женщины гораздо чаще отвечают: «Конечно, М. Цветаевой!».

Так что же глубоко женское в лирике М. Цветаевой? И что различного в чувстве любви М. Цветаевой и А. Ахматовой? Ответить на эти вопросы — цель наших дальнейших рассуждений.

Итак, первое «но» между лирическими героинями А. Ахматовой и М. Цветаевой. Приведем несколько цитат из лирики А. Ахматовой разных лет:

Я умею любить,
Умею покорной и нежною быть.
Умею заглядывать в очи с улыбкой
Манящей, призывной и зыбкой.

(303)

* * *

Я умею любить. Я обманно-стыдлива.
Я так робко нежна и всегда молчалива.
Только очи мои говорят.

(303)

* * *

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.

(56)

* * *

Села, словно фарфоровый идол,
В позе, выбранной ею давно.

(98)

Надо быть психологически гениальной женщиной, чтобы облечь большое чувство (а не просто кокетство) в форму, нужную любимому: «выбрать» взгляд, улыбку, позу, обманную стыдливость.

Что сходного с этим процитировать из лирики М. Цветаевой? Не-че-го. Совсем нечего. Нет в ее лирике любви-игры, никогда нет видения себя со стороны. Взамен игры есть несдерживаемая лавина чувства во всей его изливающейся силе и открытости. Во всей его активности, если можно так сказать:

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес.
Оттого, что лес — моя колыбель, и могила — лес.
Оттого, что я на земле стою — лишь одной ногой.
Оттого, что я о тебе спою — как никто другой.
Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я закину ключи и псов прогоню с крыльца —
Оттого что в земной ночи я вернее пса.
Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой.
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

(56)

Неженственно? По-мужски? Напротив. Здесь выражена глубоко женская натура, только другая, чем в лирике А. Ахматовой. Обращусь к авторитетам. Так, еще Г. Флобер, знаток женской души, говорил, что когда мужчина истинно любит, он робеет; когда истинно любит женщина, — она действует. А вот размышления о мужском и женском философа ахматовско-цветаевской эпохи Н. Бердяева. Они имеют прямое отношение к нашему анализу: «...женская природа так склонна к... одержанию. Женская истерия имеет связь с этой особенностью женской природы, и корни ее метафизические. С этим связано и все высокое в женщине, и низкое в ней, жуткая чуждость ее природе мужской... Женщина часто бывает гениальна в любви, ее отношение к любви универсальное, она вкладывает в любовь всю полноту своей природы... Мужчина бывает скорее талантлив, чем гениален в любви, его отношение к любви не универсальное... он не всего себя вкладывает в любовь... И в стихии женской любви есть что-то жутко страшное для мужчины, что-то грозное и поглощающее, как океан. Притязания женской любви так безмерны, что никогда не могут быть выполнены мужчиной. На этой почве вырастает безысходная трагедия любви»⁴. Отсюда и

отталкивание мужской душой сущностно женского начала в любовной лирике М. Цветаевой. Кстати сказать, редко какая женщина в жизни, хотя бы раз не услышала в свой адрес: «Да ты же истеричка!».

Итак, любовь безудержная, безмерная, открытая в признании любимому — чувство глубоко женское. В своих литературных истоках оно сродни любви Татьяны Лариной, выливающейся в поступок — письмо Е. Онегину. Но знака равенства здесь поставить нельзя, так как выражение любви лирической героини М. Цветаевой гиперболизировано другим временем, веком, характером!

Однако пойдем дальше в нащупывании следующих «но» в любовной лирике А. Ахматовой и М. Цветаевой. Второе различие вот в чем. Лирическая героиня А. Ахматовой мудра: она наделена знанием предела близости душ — мужской и женской (мотив, уходящий литературными корнями в любовную лирику Ф. Тютчева). Это знание для лирической героини горькое, доставшееся опытом чувства и жизни. Знание горькое, но понимаемое лирической героиней как психологический закон:

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, —
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части,
И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья...

.....
Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достижение — поражены тоскою...

(83)

Лирическая героиня М. Цветаевой, как бы не понимает этого закона. Или не хочет понимать:

Как правая и левая рука
Твоя душа моей душе близка.
Мы смежены блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.
Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого до левого крыла.

(144)

Важно то, что «вихрь» между любящими в лирике М. Цветаевой не психологический, не изнутри их отношений, как в лирике А. Ахматовой (а ранее — в лирике Ф. Тютчева), но извне: междустранье, пространство, нечто вроде:

Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.

(287)

Стремление лирической героини М. Цветаевой к стиранию грани между душой своей и душой любимого — тоже очень женское. Обратимся к науке психологии. В недавно вышедшем научном труде по психологии человеческих отношений читаем: «...мужчина предпочитает общенье с женщиной на длинных волнах, а женщина на коротких», «быть откровенной, раскрытой и понятой хотелось бы женщине; видеть тайну и загадку в женщине хотелось бы мужчине»⁵. А если вновь открыть Н. Бердяева, то нельзя не обратить внимания на его размышления о связи мужчины и женщины по полу и духу. Любовь, по Н. Бердяеву, это не «несение тяготы и бремени «мира» и «пола», а «творческое дерзновение», любовь всегда «не от мира сего», она выражает мировую гармонию и тяготеет в духовном плане к слиянию душ, к «андрогинизму»⁶. В этом смысле любовная лирика М. Цветаевой и А. Ахматовой находятся на противоположных полюсах.

Вражда, ревность, родовое начало, по Н. Бердяеву, есть в поле, но не в любви. Не будем судить, до конца ли справедливо это суждение, отметим лишь, что названные чувства сполна выражены в любовной лирике А. Ахматовой. В ней к ногам лирической героини — ревность мужская:

Шепчет: «Я не пожалею
Даже то, что так люблю —
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью».
Надо мною жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней.
Этот самый скучный довод
Черной ревности твоей.

(143)

Ей и такой дар, как верность мужская, не нужная лирической героине:

Выбрала сама я долю
Другу сердца моего:
Отпустила я на волю
В Благовещенье его.
Да вернулся голубь сизый,
Бьется крыльями в стекло...

(111)

В лирике А. Ахматовой очень часто страдающая роль принадлежит мужчине. Он «совенок замученный», «мальчик-игрушка», «неприкаянный». С ним может случиться Беда любви:

Так вот когда с тобой беда случилась.
Беда случилась — ты ее познал.
Теперь ты знаешь, что ни с чем на свете
Ее нельзя сравнить и утолить.
Ту жажду, что приходит раз в столетье,
А может быть и реже, бедный друг.
Ни ветрами свободных океанов,
Ни запахом тропических лесов,
Ни золотом, ни водкою кабацкой,
Ни шкиперским крепчайшим коньяком,
Ни музыкой, когда она небесной
Становится и нас уносит ввысь...
Ни даже тою памятью блаженной
О первой и несознанной любви,
Ни тем, что люди называют славой,
За что иной согласен умереть...

(379)

Лирическая же героиня М. Цветаевой говорит: «...мне ни один влюбленный не вывел палат». Для лирики М. Цветаевой закон, что мука любви, страдание — доля только женская. Вот образное выражение этой мысли:

Два дерева хотят друг к другу.
Два дерева. Напротив дом мой.
.....
То, что поменьше, тянет руки,
Как женщина, из жил последних
Вытянулось, — смотреть жестоко,
Как тянется — к тому, другому,
Что старше, стойче и — кто знает?
Еще несчастнее, быть может.

(327)

Веселье в любви, озорство, улыбка... Мы найдем все это в лирике А. Ахматовой, но не М. Цветаевой. Сами слова «веселый», «озорной» встречаются в ахматовских строках достаточно часто:

Мне с тобою пьяным *весело* —
Смысла нет в твоих рассказах.

(31)

* * *

Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос *веселых* отгонять
(59)

* * *

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка *озорной*.
(69)

Но в лирике А. Ахматовой, а опять-таки не М. Цветаевой, есть и много жестоких шуток, зла, проклятий, отвращения, предательства, вторгающихся в любовные отношения:

Ты мне *постыл*. А пытка длилась,
И как преступница томилась
Любовь, исполненная *зла*.
(158)

* * *

Для того ль тебя я целовала,
Для того ли мучилась, любя,
Чтоб теперь спокойно и устало
С *отвращеньем* вспоминать тебя.
(142)

* * *

Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне на век любовью и судьбою
Я *предала* тебя...

В любовной лирике М. Цветаевой этого нет, это просто немислимо, невозможно. Все эти оттенки чувства лирической героини А. Ахматовой идут от понимания любви как страсти, любви как борьбы, поединка душ (литературные истоки мотивов опять-таки уходят в лирику Ф. Тютчева). В любовной лирике М. Цветаевой душе лирической героини нет «равносильного», нет и борьбы, поединка, есть только самоотдача себя любимому человеку. Он — «желанный», «жаленный», «болезный»!

Следующее различие между любовной лирикой поэтов заключается в том, что лирическая героиня А. Ахматовой всегда несет в своей душе память любви, будь то память-тяжесть или память-благодарность: «Тяжела ты, любовная *память!*», «Но *память* о тебе, как тот горящий куст, Все страшные семь лет мне путь мой освещает».

У М. Цветаевой нет подобного. Ее лирическая героиня на редкость беспамятна, чувство любви никогда не живет для нее в прошлом, она не тянется к нему воспоминаниями:

Мне тебя уже *не надо*,
Милый — и не оттого, что
С первой почтой — не писал.
И не оттого, что эти
Строки, писанные с грустью
Будешь разбирать смеясь.

Нет, дружок! — Это проще,
Это пуще, чем досада:
Мне тебя уже *не надо* —
Оттого что — оттого что
Мне тебя уже *не надо*.

Вместо памяти в любовной лирике М. Цветаевой — равнодушие как мгновенное и навсегда разочарование в любимом. В стихах А. Ахматовой найдем все: и предчувствие любви, и ее зарождение, и развитие, и память о ней. В стихах же М. Цветаевой как бы выражена любовь с первого взгляда и до первого разочарования. А в жизни М. Цветаева говорила: «Я всегда начинаю с любви и кончаю знакомством»⁷.

У Ахматовой тема любви нередко переплетена с гражданской темой — темой страны, не покинутой ею. Лирическая героиня Ахматовой может бросить любимому:

Нам встречи нет. Мы в разных странах,
Туда ль зовешь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах,
Принявши ангельский венец?

(156)

Как-то А. Ахматова сказала о Б. Анрепе и о себе: «Хорошо, что не взял меня с собой: вернулась бы... постаревшей парижанкой». В лирике М. Цветаевой, да и в ее судьбе таких границ для любви просто нет. «И нет такой ямы, и нет такой бездны», где она не хотела бы быть рядом с любимым:

На льдине —
Любимый,
На мне —
Любимый,
На льдине, в Гвиане, в Геенне — любимый!

(340)

Не будем судить, какая любовь выше: «счастливейшая» (и одновременно горькая) любовь к Родине А. Ахматовой или женская надгосударственная любовь лирической героини М. Цветаевой, так как обе они равно неподсудны. Лучше подведем крат-

кие итоги проведенному сопоставлению. Они таковы. Любовная лирика А. Ахматовой бесконечно разнообразна и психологически бездонна. В любовной лирике М. Цветаевой больше «высокой болезни», стихи чувства, женской самоотдачи. Можно сказать, что в любовной лирике А. Ахматовой в целом больше психологической зрелости, опыта; в любовной лирике М. Цветаевой — больше вечной юности. Может быть, даже так: в любовной лирике А. Ахматовой больше женского, притягивающего к себе мужское, а в любовной лирике М. Цветаевой — больше вечно женственного, зовущего к духовной высоте в любви. В их любовной лирике есть созвучье и разнозвучье, так как есть оно в душах разных женщин: тех, кто любит их лирику; и тех, кто, быть может, с нею даже не знаком.

¹ Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. Л., 1987. С. 162.

² Ахматова А. Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 433; Цветаева М. Стихотворения и поэмы. М., 1991. С. 279. Далее в тексте в скобках указываются страницы этих изданий.

³ День поэзии. СПб., 1980. С. 124.

⁴ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 433.

⁵ Кроник А., Кроник Е. В главных ролях: Вы, мы, он, ты, я. М., 1989. С. 418.

⁶ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 418.

⁷ Цит. по кн.: Кудрова И. В. Гибель М. Цветаевой. М., 1999. С. 79.

М. Панайотова

ОБРАЗ ДОМА В ДВУХ СТИХОТВОРЕНИЯХ «ДОМ» МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Разрушительный вихрь революции и последовавшие события в России порождали у многих поэтов ностальгическое ощущение распятой родины, страдающей земли, обостренное чувство национальности. «Родина» и «Россия» — понятия, которые не совпадали, ибо Россия была уже не та. Образ родины строится и изменяется в активном отношении к интертекстуальному контексту времени. В данном случае «родина» включала в себя «чуждость», угрозу, сакральные символы переосмысливались.

Одновременно с острым ощущением утраты России и с ее открытием как метафизической величины, как символа утерян-